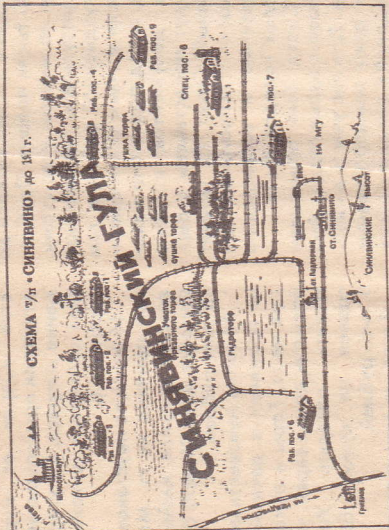

ЧТО МЫ ЗНАЕМ ПРО

В ближайших номерах «Ладогй» мы начинаем публикацию воспоминаний свидетеля тех страшных лет России. Обычно, когда речь заходит о том, что принято называть сталинскими репрессиями, то в нашем сознании, вольно или невольно, эти события ассоциируются с местами, находящимися где-то «не у нас»: в Ленинграде, Москве, Киеве, Сибири, Магадане, на Колыме. А между тем, концлагерем была вся страна. Ни одну деревню, ни один поселок, ни один город не миновала беда. Тот, кто читает публикуемые нами списки посмертно реабилитированных жителей района, не мог не обратить внимания на то, что среди расстрелянных — жители практически всех населенных пунктов бывшего Мгинского района. Адская машина уничтожения собственного народа работала на

СИЯВИНСКИЙ ГУЛАГ

полную мощь и на территории нашего района.

Но была на этой территории «особая зона», так сказать, «барак усиленного режима» — поселок № 8 Снявинского торфопредприятия.

О нем и рассказывает Александр Николаевич Владимиров. Большая часть его жизни связана с торфопредприятием. Молодой специалист, выпускник техникума, прибыл из Ленинграда в 1932 году, не подозревая, что Сиявино станет его судьбой. Отсюда он ушел на пенсию с должности главного механика торфопредприятия и живет в поселке Сиявино-1. Итак, читайте в «Ладоге» материал «Сиявинский ГУЛАГ».

Рис. И. Горецкого.

КАК ОНО —
ТОР ПРЕДПРИЯТИЕ?

Синявинские торфяные разработки располагались на труднопроходимых болотах от Синявинских высот на юге до песчаной дюны, идущей параллельно Староладожскому каналу, на севере и от реки Невы на западе до реки Нави на востоке. Такой «квадрат» начинали интенсивно осваивать в 1928 году как главную торфяную базу для ленинградских электростанций и строящейся ГЭС-8. Предстоял громадный объем земляных работ по освоению торфяных залежей.

По технологии добычи торфяга представляло всю эту площадь покрытую сетью канав и каналов. Чтобы современный производитель мог хотя бы приблизительно представить размеры земельных работ, назову основные составные части торфяной сети. Через каждые 30—40 метров были так называемые картофельные каналы шириной 1 метр и глубиной 0,75 метра. Через 250 метров были валовые каналы шириной 2 и глубиной 1,5 метра. Всю торфяную систему соединяли с магистральными каналами, а самими каналами выводили в ручьи и реки. А поскольку основным средством вывоза торфа была лопага, то, можете себе представить, сколько требовалось рабочих рук, или «рабсилы», как ее тогда называли.

И эту многотысячную массу людей (а их количество за сезон доходило до 6—7 тысяч) надо было где-то поселить хотя бы с минимальными жилищными условиями.

С этой целью было построено 9 рабочих поселков. На северной стороне, на песчаной дельте, были поселки №№ 1, 2, 3 и 4. Под Сиявинскими высотами — №№ 6 и 7. На окраине болота, в двух километрах от реки Назия, построили 9-й поселок.

Особо следует сказать о поселках 5-м и 8-м. Дело в том, что природа как будто специально разделила непроходимые болота на две равные части суходолом, покрытым вековым лесом и тянувшимся

от Невы на восток (в район нынешней пятиэтажной «Северная», которая, кстати, построена на этом суходоле). Так вот, в конце этого сухого массива был построен Центральный поселок № 5. В нем располагались контора управления торфопредприятия, ремонтный завод, транспортное депо, школа, ФЗО, Дом культуры, больница, стадион. Кроме того, в поселке располагался единственный в СССР торфяной завод по изготовле-

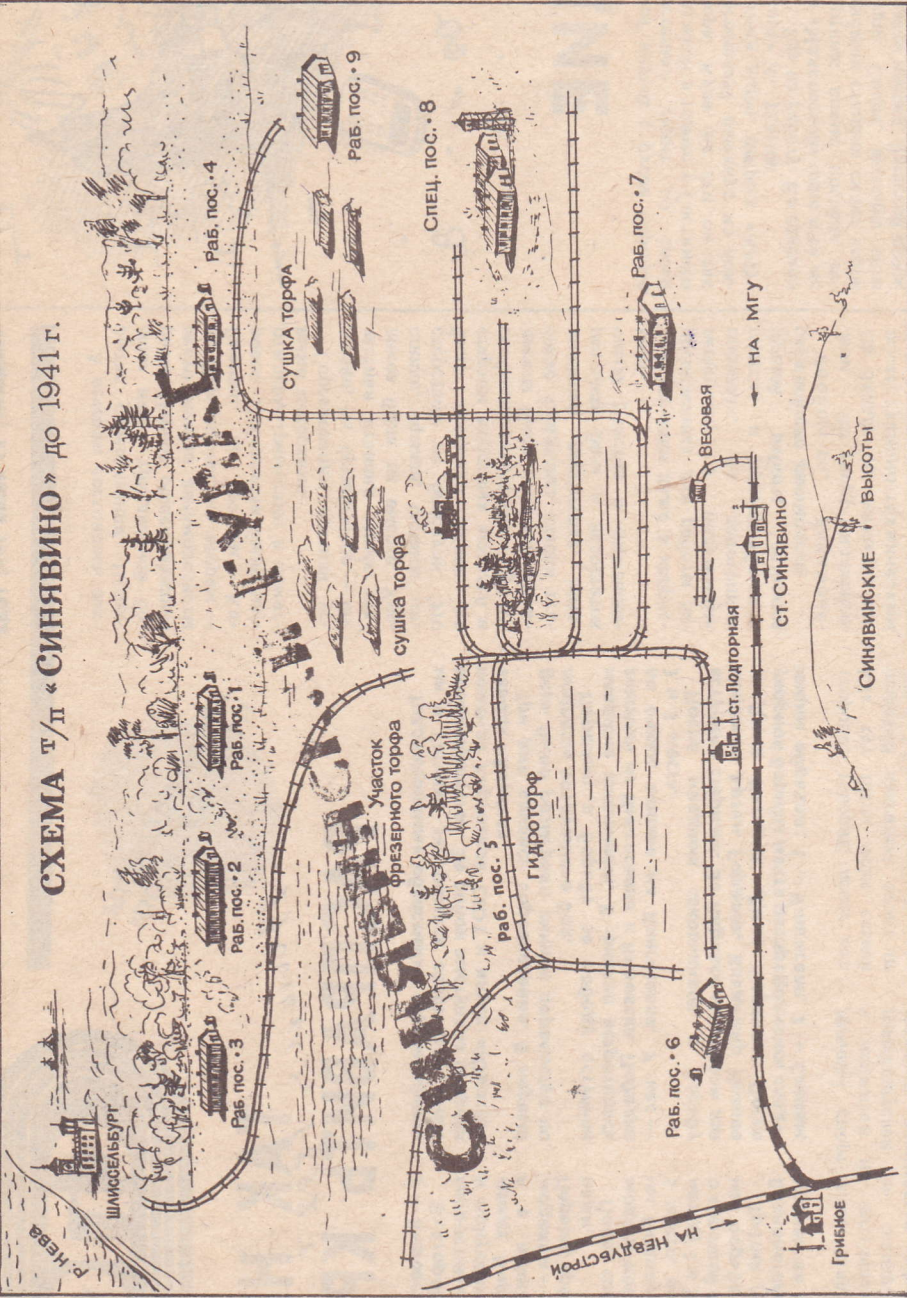
нию торфяных машин Всесоюзного института механизации торфа (ВИМТ). Его развалины сохранились до сих пор.

ЗАЛОЖНИКИ НКВД

До ввода торфопредприятия в строй во всех поселках жили строители и землекопы. Как я уже говорил, они рыли каналы и каналы, строили баракки, готовили предприятие к пуску — то, что тогда называлось «фронтом работ». С того момента, когда начала действовать торфодобыча, в

поселках, особенно окраинных, селили вербованных из Воронежской и Курской областей, сбегавших легально от «счастливой» колхозной жизни.

В 1931 году НКВД — pursuing сокращение из чётких букв, прочно вошло в наше сознание и быт торфопредприятия. Дело в том, что «наши славные органы» фактически отобрали у хозяйства два поселения — № 7 и № 8. Тогда это называлось так: «Управление НКВД взяло в своё ведение»... Война со своим народом была в разгаре, и требовались все новые и новые места на нарах. Поселок № 7 был тут же перестроен в стандартный советский

БЕЗ ВИНЫ
ВИНОВАТЫЕ

Продолжение на 4 стр.

СИНЯВИНСКИЙ ГУЛАГ

Окончание. Начало на 3 стр.

почти голыми-босыми привозили в Синявино. Под прикритием расхожего лозунга «ликвидации кулачества как класса» шло сознательное уничтожение деревни с ее обычаями, обрядами, укладом жизни. Ликвидировали крестьянина-хозяина. И сегодня, к стати говоря, мы полной мерой расхлебываем итоги той политики. Тогда закладывалась основа того униженного и позорного положения бывшей великой страны, стоящей, как нищенка на паперти, с протянутой рукой. Пожинаем то, что «боевой отряд партии» — НКВД — сеял в тридцатые годы. Тогда отработывались методы ограбления

деревни без продотрядов. Потом униженную и испорченную деревню объявили «неперспективной» и добились окончательного уже в наши дни. Тому пример — деревня нашего района, где бурьян, полуразвалившиеся избы — главные украшения и немые «итоги» хозяйничанья коммунистов.

...А тогда мы, конечно, не могли предвидеть этого краха в полном объеме. Мы видели нормальных людей, ежедневно унижаемых, но достойно несущих свой крест. Здесь были выходцы главным образом из северо-западных областей России — псковские, тверские, новгородские, вологодские, не испугавшиеся «человека в галифе» и с наганом, с помощью

которого он «активизировал» добровольность вхождения в колхоз.

Я попросил моего старого знакомого, бывшего жителя этого поселка, Анатолия Ивановича Шевелева, рассказать о тех годах, о его «университетах» сына заложника НКВД.

— Отца, зажиточного хуторянина Гверской области, Ивана Петровича Шевелева, в колхоз брать и не собирались. Он нужен был властям как «единица раскулачивания». Поэтому хозяйство обложили немислимыми зернопоставками. Естественно, сдать такое количество зерна отец не мог, потому что зерна просто-напросто не было. «Уполномоченные в галифе»

только этого и ждали. Отца обвинили в укрывательстве хлеба от родной рабоче-крестьянской власти. В счет погашения якобы спрятанного зерна для начала отобрали единственную лошадь. Поняв, что без лошади хозяйства не будет, отец поехал искать работу в Ленинград. Долго стоял на учете на Бирже труда. Наконец, получил работу и жилье в Мартышкино (ныне Домоносовский район). А к этому времени у матери отобрали корову в счет того же «спрятанного зерна». Тогда она, взяв меня и кое-что из белья, навсегда покинула дом и поехала к отцу.

Но тут новая напасть «А-а-а, избежали раскулачивания, притаились!» И как мера пресечения злодеяния — ссылка в Синявино, в спецпоселок...

А. ВЛАДИМИРОВ.

Рис. И. Горещкого.

Продолжение следует.

Продолжение.

Начало в номере от 23 июля.

Поселок № 8 располагался на так называемом Медвежьем острове Синявинских болот. Геологически это песчаный остров площадью до двух квадратных километров. Поселок насчитывал до шестидесяти жилых зданий (домов и барачков), необходимых служебно-административных зданий (комендатура, пожарное депо, магазин, столовая, Дом культуры, два здания неполной средней школы № 61, детский сад, больница, поликлиника, здания филиалов обувной и швейной артелей, баня, сушилка-«вошебойка», две «кипятки», совмещенные с водяными скважинами).

Вокруг поселка никакой растительности не было. От векового леса остались всего три березы. Одна из них росла возле комендатуры. А вокруг них на несколько километров простирались ровные, как стол, так называемые поля розлива с осушительными канавами. Все другие поселки торфопредприятия «прижились» к лесу, а наш ведь был «специальным». По инструкции ему лес не полагался.

О том, что мы люди «лейтенанты» и живем только благодаря постоянным заботам самого гуманного в мире правительства, нам напоминали ежедневно и с завидным постоянством. В школе учительница Мария Федоровна (помню свою первую учительницу) нас частенько величала «жулацким отродьем», видимо, на всякий случай демонстрируя преданность совласти из-за боязни быть обвиненной в гнилом либерализме.

Не давали забыть кто ты такой и в магазине. По поручению родителей я покупал отцу папиросы, махорку и иногда «маленькую» (за 3 р. 15 коп.). Это я мог делать в от-

об убийстве Кирова стихийно вынесло на общую кухню нашего барака всех жильцов. Стихийное собрание осуждало убийц, скорбело о «Мироньиче» и пришло обреченно к выводу: «Теперь опять возьмутся за нас, кулаков!».

И не ошиблись жильцы, наученные годами «классовой борьбы». Взялись основательно...

...1937 год остался в памяти жуткими осенними ночами. Охота на «врагов народа»

вопреки стараниям «наших славных органов». «Врагам» запрещалось учиться в институтах. Они поступали в ФЗУ, приобретали новые специальности, не падали духом. Более того, узнав, как от «частей» льются слезы в колхозах у них на родине, они искренне благодарили товарища Сталина за то, что их раскулачили.

К примеру, в поселке № 8 мастеровые люди (под зорким оком Трофимова, ко-

квалифицировался как вредительство.

«СВАХИ» ИЗ НКВД

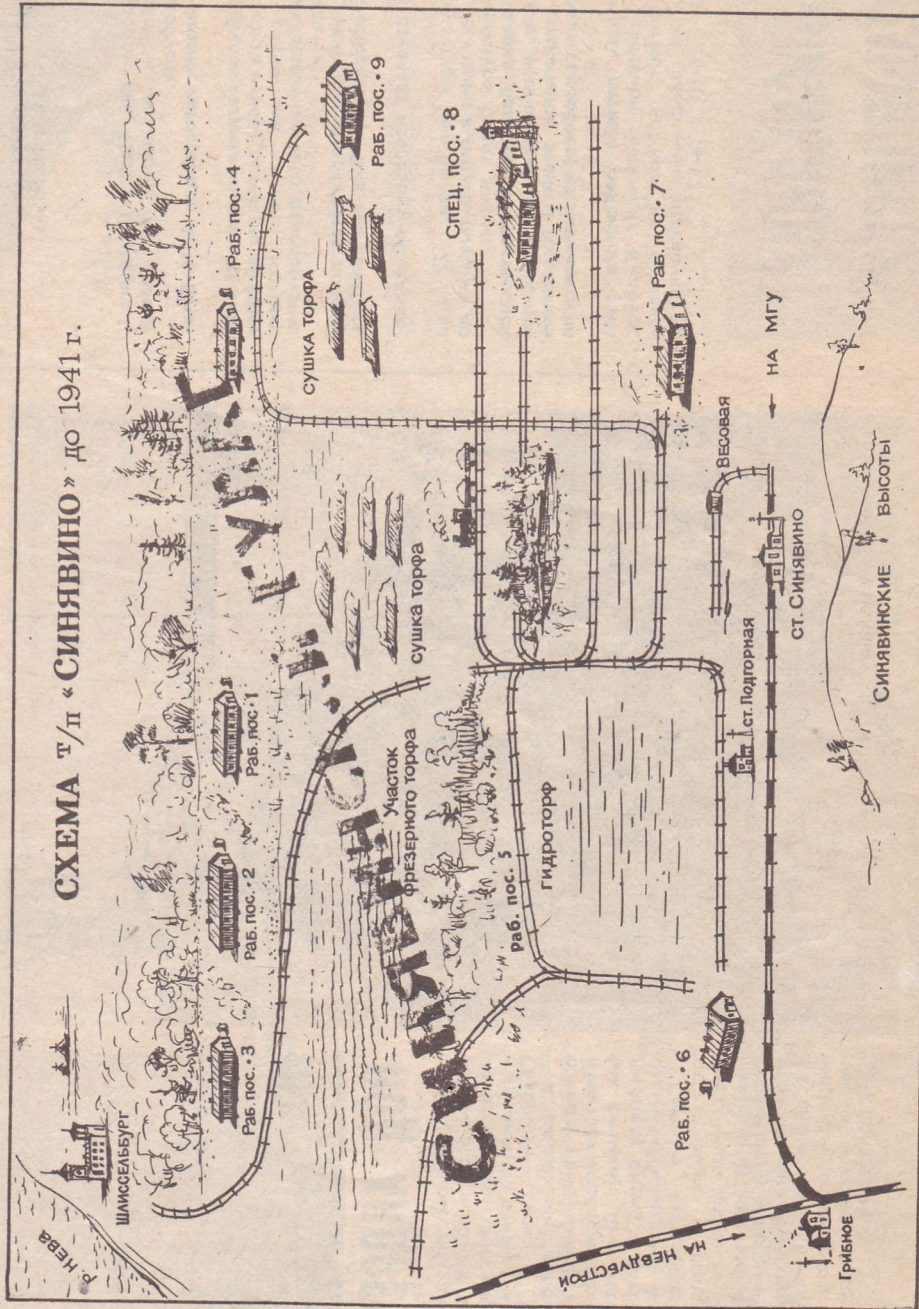
Зоркое око спецорганов следило и за личной жизнью каждого переселенца, особенно молодежи. Хотя пропаганда и эксплуатировала волю крылатое «указание отца народов» о том, что «сын за отца не отвечает», мы-то видели — отвечает, да еще как. Внешне спецпереселенческая и вольнонаемная молодежь

Видимо, власти были очень недовольны «живучестью» переселенцев. Их более или менее наладившаяся жизнь явно противоречила планам и наметкам НКВД.

Я хорошо помню, как в 1936—37 годах началось массовое уничтожение жителей многострадального поселка. «Техника» была та-

НОВАЯ ВОЛНА РЕПРЕССИЙ

СХЕМА т/п «СИНЯВИНО» до 1941 г.

неосновных профессий.

Спешпереселенцам и тут указали «свое место» — их в армию не брали, не разрешалось записываться в истребительные батальоны и даже... в партизаны. Знайте, мол, свое место. И благодарите за то, что еще живы.

Между тем вера в скорую победу скоро сменилась предчувствием затяжной войны. С тяжелым сердцем слушали сводки Совинформбюро. Под городами и населенными пунктами, обозначенными начальными буквами их названий, неизменно шли «ожесточенные бои», и после этого их оставляли наши войска. Поскольку шла ожесточенная борьба с «панкерами», то каждый хранил свои думы про себя, боясь высказаться вслух. Надо сказать, что людей основательно держали в неведении о ходе войны и потому было много «неожиданностей». Для всех было неожиданностью появление немецких войск в августе на территории Ленинградской области. Не менее неожиданным было и то, что 26 августа прервалось железнодорожное сообщение Ленинграда со страной и полной неожиданностью стал захват немцами станции Мга 29 августа.

Но руководство торфопредприятия, видимо, знало действительное положение дел, потому что ежедневно тысячи наших рабочих участвовали в восстановительных работах на станции Мга, которую немцы жестоко бомбили много дней подряд.

29 августа мне как механику было приказано сформировать тракторную колонну и приступить к эвакуации детей, в первую очередь детей руководителей и коммунистов. И даже в эти трагические дни НКВД «не унывало» — мне строго-настрого запретили брать трактористов из раску-

отдел для вольнонаемных, а в нем просто не пускали. Помню, что это меня обижало до слез. И даже купаться мы не имели права как остальные павловцы, родителями которых НКВД пока доверяло. До сих пор помню, как мы нарушили запрет, «проникли» в Ладогу, с наслаждением искупались и были перехвачены пограничниками. Нас отпустили, но сообщили в комендатуру поселка и нашим родителем сделали самое серьезное предупреждение.

Житель поселка мог покинуть его (например, съездить на один день в Ленинград) только с письменного разрешения коменданта. К примеру, в феврале 1936 года в Тверской области умер отец моей матери и ей было отказано в поездке на похороны.

Нарушителей этого порядка сурово наказывали. А поймать «ослушников» было очень легко. Семикометровый путь на станцию Синяино проходил по шпалам узкоколейки. Справа и слева — карьеры, канавы, торфяные поля. Свернуть без риска утонуть некуда. И вот на этой тропе к приходу очередного поезда устраивались засады. «Улов» был верным. Наказание следовало неотвратимо, и ты попадад навечно в «черный список» спецкомендатуры...

...Для нас, детей, Дом культуры поселка был, без всяких преувеличений, источником радости, центром духовной и культурной жизни. Его зрительный зал на кинополнен. Смотрели все подряд: «Чапаева», Чаплина, музыкальные фильмы.

При Доме культуры была хорошая библиотека, радиоузел, работали кружки художественной самостоятельности. Помню, как мы с мамой занимались в фотокружке...

...Из довоенных лет мне в память врезались два — 1934 и 1937. Помню, как известие из «черной тарелки»

продолжалась. А «брали» по ночам. Как ни укрывала меня мама одеялом, я все равно часто просыпалась от душевнораздирающих женских причитаний, грохота кованых сапог по скрипящим ступенькам лестницы нашего двухэтажного барака. Осталось на всю жизнь, как отец вечером пронаблюдался с мамой и со мной, надеясь дожить до утра. Так поступали и соседи. Если в эту ночь за ними «не приходили», они шли на работу, а вечером снова пронаблюдались с близкими...

К этим воспоминаниям А. И. Шевелева необходимо кое-что добавить для полноты картины. Привозили «переселенцев» группами и селили в двухэтажные бараки каррасно-засыпного типа. Поселение общий коридор во всю длину барака, по бокам — комнаты по 16—18 кв. м. Кухня была на этаже одна, туалет тоже один. В комнату селили по 2—3 семьи (это 10—15 человек). Чтобы как-то разместиться, строили многоэтажные нары, стали на голом полу и досках, потому что привозили их без вещей. Все najитое на их родине объявлялось «народным достоянием».

Командант Трофимов с группой бойцов. Для наблюдения «с воздуха» была выставлена специальная вышка, где круглосуточно дежурили охранники и следили, чтобы их «подопечные» не сбивались с маршрута: на работу — в барак — снова на работу — и опять на нары.

ИЗ ТРУЖЕНИКА НЕ СДЕЛАТЬ ЛЮМПЕНА

Но никакой режим не мог убить в русском человеке привычку трудиться и своим трудом себя обеспечивать. Жизнь не останавливалась

нечно) создали швейную и обувную артели под руководством Александра Турбанова. Их одежда и модельная обувь вывозились в универсамы Ленинграда и успешно конкурентов с изделиями государственных фабрик. От заказов отбоя не было. Жители всей округи считали за честь заказать у «врагов народа» костюм, ботинки или сапоги.

Действовала и сельскохозяйственная артель. На брошенных землях вокруг поселка выращивали картофель и овощи. Ими снабжали столовую, продавали жителям излишки — «на сторону». Основная же часть населения поселка работала на добыче торфа или обслуживании ее. На рытье канав, например, существовала дневная норма работки — 17 погонных метров на человека. Это значит, что каждый должен был переобрать штыковой лопатой 8,5 тонны грунта. Ударникам в награду выдавали почетную грамоту и штаны из «чертовой кожи».

Все работы, на которых были заняты спецпереселенцы, выполнялись с отличным качеством. Они понимали, что права на брак, даже малейший, не имели. Потому что мельчайший недостаток «специалистами» из НКВД

была равна, и об этом без усталости твердили фариес-пропагандисты. Но в реальной жизни было иначе. Школьников отлучали от пионеров, постарше — не принимали в комсомол. Даже в интимную жизнь вмешивались «свахи» из НКВД. Они определяли: кого любить можно, а кого — нет, за кого замуж выходить разрешалось, а за кого не рекомендовалось.

Расскажу о нескольких случаях, произошедших у меня на глазах. Комсомольцы Коля Янчук и Леона Тихонов полюбили девушек — переселенцев Женю Селезневу и Шуру Сонину и собирались пожениться. Об этом узнали в «органах». Комсомольцев вызвали в комитет комсомола и, обвинив их в потере proletарской бдительности, потребовали прекратить «любовь с кулаками». Николай и Леона запрямылись. Тогда первому предложили уволиться «по состоянию желаний», а второго по комсомольской путевке «добровольно» отправили в танковую школу.

Когда вольнонаемная комсомолка Маша Кружкова полюбила спецпереселенца, того «пригласили» в комендатуру и предложили «отстать от комсомолки, а то хуже будет».

АНОНС!

Во вторник мы завершим публикацию материала «Синявинский ГУЛАГ». Если у вас возникнет желание поделиться вашими впечатлениями, воспоминаниями, будем ждать ваших писем.

Если вы остались нашими подписчиками, то вы сможете прочитать в «Ладогe» материал М. Штановой «Храм отличился благолепием» о малоизвестных страницах истории деревни Кобона, вы узнаете также о таинственной «даче с колоннами» из материала этого же автора «Причины минувшего века». Мы продолжим рассказ о шлиссельбургских звонах и колоколах. Следите за публикациями — и вы не пожалеете, что переподписались на нашу газету!

«сигнал», написанный «от частного сердца» бдительным советским человеком или сфабрикованный самими энкаведистами. Командант ним карандашом в верхнем левом углу писал (я эти резолюции после войны видел сам): «Забрать. Трофимов». И все. Тут тебе и следствие, тут тебе и суд. Человек исчезал бесследно. Брали семьями, чтобы не оставлять «на распутье». Убивали и детей, и стариков. Только один пример. В один «заход» была взята и расстреляна мужская часть семьи: Григорий Никифорович Никифоров — 73 лет, его брат Михаил Никифорович Никифоров — 69 лет, сыновья Григорий и Петр.

Сколько было «взято» и уничтожено из поселка № 8, сейчас сказать трудно. Известно, что эта кровавая вакханалия длилась до самой войны, то утихала, то разгоралась с новой силой. Люди жили все время с чувством страха. У нас поселились в их душах. Мы все тогда чувствовали себя беззащитными. Наша жизнь зависела от прихоти чинов НКВД. А что уж говорить о спецпереселенцах, которых государство упрямо не считало людьми. Жить им или умереть — решал командант Трофимов. Ему партия доверяла, на пост поставила — и он старался оправдать это доверие.

ВСТАВАЙ, СТРАНА, ОГРОМНАЯ...

Война с Германией была для нас полной неожиданностью, но паники не вызвала. Все были уверены — с врагом покончим «могучим ударом» в считанные дни. Тем более, что и Молотов 22 июня по радио заверил, что враг будет разбит. Предприятие работало в обычном режиме. Мобилизация мужчин шла за счет

опытные были «из них» (а они и этому в свое время учились упорно), то пришлось набирать трактористов из тех, кто только-только закончил курсы. Эти неумехи причинили нам немало хлопот. Из-за них мы теряли много техники, а иногда с человеческими жертвами.

Что же касается торфопредприятия, то мы следили ег немцам целехоньким, что называется «теплыми», со всем оборудованием и людьми. Практически жители всех поселков оказались на оккупированной территории. Вот к чему привела игра в «шпионянонию и борьбу с «панкерами». Насколько я знаю, никто за это не понес никакой ответственности.

И последнее воспоминание 1941 года о поселке № 8, которое заново торчит в моем сознании вот уже много десятилетий. Отступая к Тихвину с тракторами и детскими, я обратился на одном из наших аэродромов с просьбой помочь нам машинным маслом. Легчики охотно выучили, а их командир, узнав, откуда мы, сказал мне, что на завтра получен приказ бомбить поселок № 8, чтобы прикончить немецкое гнездо. Наши «органы» остались верны себе — сначала бросили людей на произвол судьбы, а потом решили добить их собственными бомбами. И это в то время, когда фронт истекал кровью без нашего воздушного прикрытия, когда каждая бомба была на счету.

Позже А. И. Шевелев рассказал, что летчики выполнили приказ, что кое-кто уцелел — бомб не хватало. Но то, что наши власти сумели такой приказ отдалить, говорит об очень многом — пригодились годы войны со своим народом. На этом и закончилась гулаговская страница в истории поселка № 8.

А. ВЛАДИМИРОВ.
Рис. И. Горещего.
Окончание следует.

ГРУСТНЫЙ
ЭПИЛОГ

После войны пришлось все торфопредприятие восстанавливать из пепла. Не был исключением поселок № 8 (теперь он стал называться Синявино-II). О спешереселенцах уже не вспоминали. Некоторые из его бывших жителей вернулись, приехали новые. Начиная с 1950 года поселок стал, по существу, центральным. Там сосредоточилась механическая база и транспорт, проживала основная часть квалифицированных специалистов.

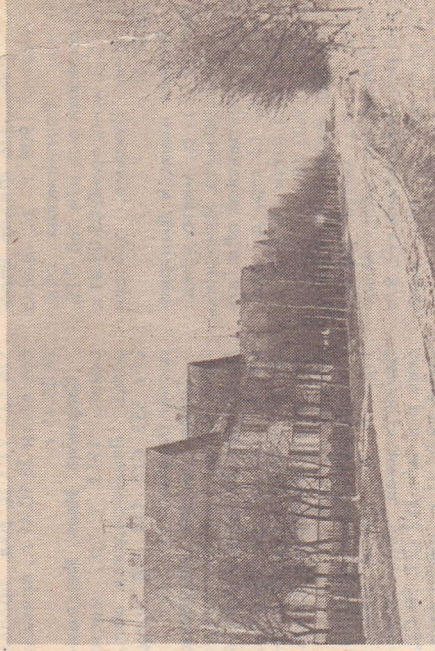
СИНЯВИНСКИЙ ГУЛАГ

В это время работающий директором Николай Трофимович Анистратов уделял большое внимание не только организации добычи торфа, но и благоустройству поселков и жизни рабочих. По его инициативе была создана бригада по озеленению под руководством т. Черных. Это их руками были высажены тысячи берез, тополей, себериновых ив и прочих кустарников. Частично они сохранились и до наших дней, вопреки варварскому нынешнему к ним отношению. По уходу за насаждениями сохранился специальный садо-

вод.

За счет торфопредприятия в совхозе Щеглово закупились яблони, груши, вишни, смородина, малина и бесplatно раздавались рабочим для разведения собственных садов.

В Синявино-II директором Н. Г. Анистратовым был объявлен конкурс на проект бассейна. Лучшим был признан проект начальника поля Николая Ивановича Павлова. По проекту предусматривалась смена воды, ажурные мостики при переходе от «острова

час» осталось в Синявино-I и Синявино-II,— это память об Н. Г. Анистратове.

К восьмидесятым годам стала заметно сокращаться добыча торфа, предприятие не выполняло планы, чем «портит» показатели района. По инициативе тогдашнего первого секретаря Кировского ГК КПСС Э. В. Коротковой его присоединили как участок к торфопредприятию «Назия», чем и решили судьбу Синявино. Сейчас новые хозяева поселка, пришедшие на смену торфяникам «Назии», превратили его из шумного, веселого и жизнеутраченного в удручающе-унылый, очень на-

поминающий по внешнему виду № 8 гулаговской поры. Правда, без комендатуры и сторожевой вышки.

А. ВЛАДИМИРОВ.
На снимках: Синявино-II в первые годы после войны. Так выглядел Дом культуры в «профиль». Сейчас от статуи и ваз для цветов не осталось и следов; детский сад в послевоенном поселке; улица Синявино-II после восстановления. Обратите внимание на штакетник. Сейчас секрет его изготовления утерян. В этом можете убедиться, пройдясь по утопающим в грязи улицам сегодняшнего поселка.

Фото автора.

Деревня Синявино

Отрывки из дневника унтер-офицера Вольфганга Бурфа

2 НОЯБРЯ 1941

Две вещи воздействуют сейчас на наши чувства: холодный зимний лес и широкая заснеженная русская равнина. Лишь иногда видны окутанные снегом крыши домов и верхушки церквей в Синявино. И все это на фоне безжизненности зимней природы. И вдруг пробуждение от грохота орудий и всплеск выстрелов, а также гула фронта, над которым ночью взлетают осветительные ракеты и видно зарево пожарами.

20 НОЯБРЯ 1941

До этого я был лишь в нескольких русских домах. Всюду в углу висела икона, чаще всего с горящей лампадой. Как, например, сегодня в Синявино, где я сдал одной русской семье в стирку свое грязное белье. За кусок мыла, пачку табака и краюху хлеба на большую ораву детей послезавтра получу его чистым. Это сказочное благодеяние.

30 НОЯБРЯ 1941

Сегодня в Синявино я вновь получил белье. Оно, как и в прошлый раз, было прекрасно выстирано и даже выглажено. Но женщина, стиравшая белье, убита. В убежище, куда она спряталась, попал снаряд. Ее маленького ребенка удалили отсюда извлекать, хотя и раненого.

26 ФЕВРАЛЯ 1942

Церковь в Синявино стоит пустая и разграбленная, что является здесь обычным делом. Невдалека она была взорвана, так как потребовался кирпич для строительства печей. Хотя для этой цели можно было бы использовать другие здания или их остатки.

15 МАЯ 1942

Деревня, от которой осталось около четверти домов, выглядит теперь, после того, как растаял снег, совсем по-другому. Она напоминает те многочисленные поселки, которые мы видели во вре-

деревень начинается исходить слово Божие. Оно звучит в убежищах, на обломках разрушенных домов, в лесной чаще. Свет Евангелия, который был потаен, незаметно разгорается вновь. Чувствуешь ли ты его, Россия? Будешь ли ты его слышать и вознесешь ли ты его над собой?

Солдаты и остатки мирного населения возделывают сейчас поля. В наших условиях это уже поздно, а здесь самое время. Везде боронят, сеют, таскают навоз, сажают картофель. Сложно было достать семена, да и получили их довольно поздно, но все же надеемся на хороший урожай. Через четыре месяца он поспеет. Удастся ли нам его собрать?

2 ИЮЛЯ 1942

Иногда в Синявино, в русской рубленой избе, бывает кино и варьете, которые устраивают преимущественно сами солдаты. Сегодня там выступал настоящий оркестр смычковых инструментов. Музыка Моцарта и Гайдна, несколько народных песен, а также шлягеры Фреда Нагеля в исполнении певцы. Они были хорошо приняты. Но публика была немногочисленной. Это и понятно, ведь до фронта шесть километров.

16 АВГУСТА 1942

Я был также на местном кладбище. Оно сильно заросло травой, но и в нормальные времена люди, кажется, не очень тратились на места погребения. Русские кресты в основном простые и скромные, выкрашены в коричневый или голубой цвет. Есть и стеклянные ящички с искусственными венками или фотографиями умерших. Часто вообще никаких надписей, и только лишь иногда находили имя или дату смерти на крестах. Все кресты обращены на восток, даже надгробные памятники большевикам, которые выделяются среди множества крестов своеобразной пирамидой с советской звездой.

Юрий ЛЕБЕДЕВ,
2. Санкт-Петербург

14 ИЮНЯ 1942

Сегодня утром проводилась евангелическая церковная служба в Синявино. Когда я на построении спросил, кто хочет идти со мной, никто не вызвался. Лишь позже ко мне стали подходить солдаты. Так что, в конце концов, нас собралось семеро. В темном помещении уже час-точно разрушенного дома был сооружен алтарь. Его свечи грустно мерцали, дивизионный священник вел богослужения и читал проповедь о се- годняшнем Евангелии. Кроме нас семерых на проповеди присутствовали еще три унтер-офицера, командант гарнизона и дирижер военного оркестра.

Удивительно, как после столь странных событий каким-то образом восстанавливается дорога и место для слова Божьего в деревне, чья разрушенная церковь освобождается от власти дьявола. По свидетельству русских, в этой местности уже четыре года не проводилось богослужение, так как более не осталось священников. Теперь же необычным образом из растерзанных

ных домов, грубо сколоченных из бревен. Щели закопачены мхом. Ни краски, ни штукатурки. Иногда оконные рамы выкрашены в ярко-голубой или красный цвет. Деревянные или соломенные крыши. Две или три комнаты в доме, под ними подпол, в котором содержатся домашние животные, главным образом, свиньи, корм которых сбрасывают через люк в подпол. Их визг и хрюканье, доносящиеся из подпола, редуют скорее хоззвев. Так выглядит дом русского крестьянина, или скорее сельскохозяйственного рабочего, так как то, что это не самостоятельное хозяйство, видно уже по тому, что нигде в деревне нет зернохранилищ и больших конюшен. Несколько собачьих будок, дровяных сараев, бань — это все, что можно увидеть помимо убогих домов. Церкви встречаются редко, да и то это или полуразрушенные когда-то великолепные здания, которые использовались как склады или конюшни. Либо это запертые, безмолвные, кахущиеся безжизненными, деревянные часовенки.

21.03.2002